

Андрей Распопин

Психиатрия

18+

Андрей Распопин

Психиатрия

«Автор»

2026

Распопин А. М.

Психиатрия / А. М. Распопин — «Автор», 2026

Действие происходит в российской психиатрической больнице с периодическим переносом в другие локации.

© Распопин А. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	34

Андрей Распопин

Психиатрия

Глава 1

Утром было тихо и морозно. Как только человек выходил из тепла на улицу, мороз стремительно проникал в него и молча сжимал своими студеными лапами.

Арсений стоял у подъезда и смотрел в зыбкий полумрак, разбавляемый светом блеклых фонарей и лучами невидимого солнца, готового вскоре подняться из-за линии горизонта.

Он вдохнул через нос обжигающе ледяной воздух. Идти не хотелось. Но мороз не давал времени для раздумий, а рождал импульс, приводящий тело в движение. Арсений распрямил спину, отбирая у мороза пространство, и двинулся по белоснежно припудренной дорожке, утрамбованной сотнями шагов.

Цель движения была недалеко: минутах в пятнадцати во времени, если, как говорил Арсений, двигаться с крейсерской скоростью.

Путь лежал по пологому спуску, который в одном месте наткнулся на бетонную лестницу, соединенную внизу с мостками, перекинутыми через водоем пограничного характера. В начале своей эволюции это было болото, но из-за беспечности людей, которая иногда бывает и полезной, оно выросло в подобие пруда к середине лета, зарастающего осокой.

Шел быстро, но опасаясь поскользнуться, — осторожно, отрывая при этом стопы на минимум от поверхности. Со стороны могло показаться, что он плывет или скользит в движении, наподобие знаменитой походки Майкла Джексона.

За мостками дорожка петляла по заснеженному пустырю, усеянному отжившим свое бурьяном. А затем смыкалась с въездом на территорию, где стояли краснокирпичные здания в несколько этажей.

Подойдя к одной из дверей, ведущей в здание, Арсений на мгновение замер и посмотрел на желтоватый свет, исходивший из окон. Замер и ощутил ноздрями проникающий наружу запах. Пахло вареной капустой, лекарствами, дешевым табаком, стиральным порошком, хлором и сероводородом из дурно устроенной канализации.

Когда Арсений потянул на себя дверь с тугой пружиной, запахи плотным залпом устремились ему навстречу, пытаясь заполнить собой морозный воздух, отчего Арсений невольно поддался назад. Однако в следующий миг он сделал шаг в темную глубину тамбура, отмечая при этом мимолетную мысль: «Когда же освещение сделают», — и сходу столкнулся с чем-то мягким, пахнувшим сладкими духами.

Столкновение совпало с ударом напружиненной двери о косяк, отчего помещение заколебалось так, словно это был толчок землетрясения. Сразу же за столкновением капризный женский голос произнес:

— Молодой человек, осторожнее! И не хлопайте дверью, пожалуйста, придерживайте.

— Прошу прощения, — сказал Арсений, пропуская носительницу духов, видимую только по силуэту. А она, больше не говоря ни слова, бесшумно вышла, оставив за собой парфюмерный шлейф, который быстро растворился в миллионах молекул казенного воздуха.

Это столкновение привело в мгновенное напряжение причинную часть организма Арсения. Он остановился, прислушался к себе, а затем рассмеялся. Он вдруг понял, что эта неведомая женщина явно недовольна своей плотской жизнью, а его тело восприняло все это: толчок, удар, колебания, духи, женский голос — как что-то похожее на оргазм. Как только эта мысль ясно высветилась в сознании, причинное напряжение тут же прошло, будто его и не было вовсе.

Поднявшись по лестнице, Арсений оказался в длинной галерее-переходе. Внутри нее всегда было что-то неуловимо странное. Арсения всякий раз удивляло это ощущение странности, он не находил ее источник, из-за чего про себя называл галерею «дурной бесконечностью».

Арсений любил это место. Бывало, что после особо суматошного дня он дожидался ночи и выходил в галерею, чтобы побыть там в одиночестве. И тогда, особенно если ночь была ясная и полнолунная, у него включалось впечатление, что он не землянин, а пришелец, смотрящий на панораму из отсека инопланетного корабля, потерпевшего аварию на дикой планете.

Света в галерее было мало, он исходил из трех светильников мощь которых не могла покрыть такое пространство. Поэтому пол, уложенный желтоватым кафелем, и стены, покрашенному выкрашенные в голубой и белый цвета, яркими пятнами светились в трех точках: в началах и в середине, вся же остальная протяженность перехода сейчас таилась в предутреннем сумраке. По обеим сторонам галереи были сплошные окна. С левой стороны они глядели на засыпанный снегом сад. В его центре стояли два кедра, к которым линиями сходились деревья и кустарники, очерченные по краю кругом булыжной дорожки, заботливо очищенной от снега больничной братией. Правая же сторона окон с высоты косогора смотрела на ряд холмов, поросших хвойным лесом. Уму, не зажатому в тиски привычных представлений, могло показаться, что на самом деле это вовсе и не лесистые холмы, а застывший в возбуждении земляной океан с накинутым на его волны темно-зеленым покрывалом. Смотря на светлеющее небо с еще заметными следами утренних звезд, можно было представить, что где-то далеко, в стране восходящего солнца, её трудолюбивые обитатели уже начали выкатывать из сумрака отдохнувшее за ночь светило: оно уже брезжило над холмами малиновым светом и зачинало день.

Пройдя «дурную бесконечность», Арсений оказался у белой двери. Подле неё была вывеска, извещавшая белым по синему, что здесь находится:

**Психиатрическое отделение № 3
(мужское) принудительного лечения
специализированного типа**

Арсений прислушался: за дверью было тихо. Он повернул ручку: дверь была заперта. Тишину нарушать не хотелось, но ничего не оставалось — нужно было шуметь. Машинальным движением палец Арсения точно попал в черную кнопку звонка, будто это было яблочко у мишени. После попадания тишина тут же распалась, словно её порезали ножами пронзительного: дзинь-дзинь-дзинь.

Через секунды дверь распахнулась, и Арсений увидел женщину с темными курчавыми волосами, одетую в медицинскую спецовку салатного цвета. Женщина была не первой молодости, с карими простоватыми глазами, со складками у рта – печатями от привычной улыбки – и кожей, слегка лоснившейся от дневного крема. На её шее, поверх одежды, висела цепочка в крупное звено из тускло блестящего желтого металла. На цепочке был самоцветный кулон с вырезанным на нем языческим¹ солнцем, которое широко улыбалось. Весь облик женщины говорил: мир хорош, если мне в этом мире хорошо.

— Привет, — добродушно сказала женщина.

— Привет, Галя, — глухо ответил Арсений.

— Не в духе сегодня?

— Почему не в духе? — оживился Арсений. — В духе, Галя, в духе, — и пошёл в раздевалку.

Быстро переодевшись, Арсений прошел в комнату для свиданий, которая, помимо своей прямой функции, служила еще и местом для рутинных собраний персонала отделения, называемых здесь планерками.

¹ Язычество – этнические дохристианские религии, исповедующие веру во множество богов, в духов, в силы природы, в стихии и т.п. В практиках язычества широко распространены жертвоприношения и идолопоклонство.

Комната представляла собой большую клетку. С одной стороны она была зарешечена окном, а с другой – у неё была дверь из железных сердечек, вместе составляющих решетку, которая находилась в перегородке такого же решётчатого исполнения. Эта перегородка ограничивала собой пространство свободы от пола до потолка.

Посередине комнаты стоял неотъёмный от пола большой прямоугольный стол. Его окружали казенные диваны, обтянутые коричневой искусственной кожей. На стене был стенд с положенной по закону документацией и самодельный плакат со стихотворением А. С. Пушкина:

«Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.»

Сейчас со стороны окна, во главе стола, сидел немолодой седовласый мужчина в белом халате, с тускло-голубыми глазами на лице, расчерченном неровной паутиной глубоких морщин. Его глаза слегка шурились и насмешливо смотрели в пространство сквозь массивные стекла очков в роговой оправе. Это был многолетний и бессменный заведующий отделением Юлий Леонидович Дивин.

Заведующий принадлежал к психиатрам старой формации, профессиональная молодость которых совпала со временем царствования в тогда советской психиатрии для кого одиозного, а для кого и неоднозначного Снежневского². Последний был для Юлия Леонидовича культовой фигурой, вроде библейского пророка. А книги по психиатрии того времени, где автором или редактором был Снежневский, Юлий Леонидович считал средоточием раз и навсегда установленной медицинской истины. И потому предавал им такое же значение, какое истовый верующий христианин придает текстам Священного Писания³.

Вместе Юлием Леонидовичем в комнате расположился персонал отделения: врачи, медсестры, медбратья, санитарки и санитары. Большею частью это были женщины разного возраста, и примерно на четверть мужчины, тоже разновозрастные.

Одна из женщин, средних лет, крепко сбитая и ядреная, похожая на кустодиевскую⁴ матрону, с чертами лицами строгими и правильными, медсестра Нина Андреевна, зычным голосом читала из рукописного журнала:

«...больной Экиванов в общении активен, в поведении суетлив. Охотно идет на контакт с персоналом, рассказывает о своей жизни до прибытия в отделение. Раскаивается в своем преступлении, говорит: «Меня бабушка воспитывала, а я её порубил». При раскаянии плачет, причиной преступления считает свое заболевание, сочетанное с употреблением спиртных изделий. Кроме того, Экиванов в течение дня конфликтовал с больным Дарьковым, обвиняя последнего, что тот якобы украл у него зажигалку. В один из моментов между Экивановом и Дарьковым вспыхнула драка, которая была остановлена силами персонала. С обоими больными была проведена беседа. Конфликт исчерпан».

² Снежневский А.В. (1904–1987) – советский психиатр, доктор медицинских наук, ученый, сторонник концепции «взлотекущей шизофрении». Один из организаторов системы «карательной (репрессивной) психиатрии» в СССР, использовавшейся советскими властями в политических целях.

³ Священное Писание – основополагающие книги христианства: Ветхий Завет и Новый Завет, вместе составляющие Библию.

⁴ Кустодиев Б.М. (1878–1927) – русский, советский художник. Получил наибольшую известность благодаря картинам с буйством красок и плоти, изображающим быт русского купечества.

– Нина Андреевна, - словно спохватившись, произнес Юлий Леонидович.

– Что значит вспыхнула драка? Почему персонал не отреагировал превентивно на назревающий конфликт?

– Юлий Леонидович, но мы же не можем ходить за каждым больным. Тем более что незадолго до драки Экиванов сказал, что зря грешит на Дарькова, и что зажигалка была неисправная и он её сам выбросил.

– И тем не менее, – наставительно сказал Юлий Леонидович, – обращаю ваше внимание, Нина Андреевна, а также заступившую сегодня смену: вы должны всегда быть начеку, чтобы происшествий не случилось, в частности, драк. Они должны предотвращаться.

– Как будто мы ничего не делаем, - с обидой произнесла Нина Андреевна. - Легкое ли дело, Юлий Леонидович, когда полтора мужика и две женщины на сутки остаются в отделении, где семьдесят с лишним человек мужского пола, почти половина из которых душегубы. И инъекции надо сделать и лекарства разложить, раздать, да и вообще...

При словах Нины Андреевны «полтора мужика» по лицам большинства собравшихся волной прошла едва заметная усмешка. А некоторые как-то особенно выразительно посмотрели в сторону Юлия Леонидовича, но заведующий остался внешне равнодушным к этой смешливой реакции.

– Не душегубы, Нина Андреевна, здесь убийцы не содержатся, у нас находятся на лечении люди, совершившие преступления, которые признаны судом больными. И мужчин у нас по полтора нет, – раздался женский голос с нотками тренированной властности.

Голос принадлежал старшей медицинской сестре отделения: Ирине Юрьевне. Которую и сослуживцы, и больные, за глаза часто называли «старшая», а иногда «страшная медсестра». В зависимости от интонации и настроения говорившего, слово «страшная» могло носить как шуточный, так и опасливый характер.

Ирина Юрьевна была по-женски довольно хороша для своих 45 лет: у неё были большие серые глаза. Они издали привлекали внимание, а подойдя поближе в них можно было заметить сосредоточенность, чередуемую с расслабленностью и даже скукой. Также выделяли её из толпы нос с небольшой горбинкой и рот с полными губами. Её линии тела, хотя и не раз натывались на острые углы жизни, не утратили плавности, а объемная грудь вызывала у многих потентных мужчин затаенное чувство уюта.

В нерабочее время Ирина Юрьевна имела покладистый характер. Однако в психиатрической среде, производственной, так сказать, она могла проявлять стерженность, от которой иногда страдали окружающие, стоящие ниже её по иерархии. Однако страдания эти носили, как правило, кратковременный характер. И поэтому местные обитатели, как вольного – к коим относился средний и младший персонал отделения, – так и невольного статуса, коими были отделенческие больные, испытывали к старшей медсестре выученное уважение.

– Вот, вот, мало того что больные, еще и уголовники, – еще более обиженно сказала Нина Андреевна.

– Вы за это дополнительно получаете, и немало по медицинским меркам, – парировала старшая медсестра, преданно посмотрев на Юлия Леонидовича.

– Для кого-то может и немало, – жестко возразила Нина Андреевна, не привыкшая в жизненных баталиях ни отступать, ни сдаваться без боя. Она сделала глубокий вдох перед следующей фразой и от вспыхнувших эмоций стала изнутри раскаляться, отчего её щеки ярко зарозовели, словно у матрёшки.

Но тут Юлий Леонидович спохватился и сходу погасил импульс на раскрутку маховика перепалки:

– Нина Андреевна, продолжайте по наблюдению, пожалуйста.

Та шумно выдохнула, как шаровыми молниями⁵ сверкнула глазами в сторону старшей медсестры, и стала читать дальше.

После ритуального прочтения еще двух или трех описаний поведения больных за прошедшие сутки Юлий Леонидович несколько минут сетовал на появившуюся в СМИ новость о планах властей сократить койки в психбольницах. Затем персонал отделения – каждый на своем месте – отправился мотыжить свой психиатрический надел.

⁵ Шаровая молния – редкое природное явление, предположительно электромагнитного происхождения, выглядящее как ярко светящееся и плавающее в воздухе круглое образование.

Глава 2

Арсений направился к своей деляне. Путь к ней лежал через служебный коридор, где по ходу движения размещались комнаты для персонала, процедурный кабинет, ординаторская, кабинет заведующего отделением и прочее.

Этот коридор называли «узким», поскольку он был и вправду неширок: едва ли более двух с половиной метров. Где-то после полугода работы в отделении до Арсения дошло еще одно значение слова «узкий» применительно к этому месту. И вряд ли это значение было доступным здесь кому-то еще. Символически название «узкий» можно истолковать как аналог узких врат и тернистого пути – с одной стороны, он вёл в жизнь вечную, читай, в жизнь вольную, то есть на выход из отделения и больницы. А с другой стороны, он соединялся через железную дверь со вторым коридором, вдвое превосходившим по ширине своего узкого собрата. Этот второй коридор здесь называли «широким». Находился он в пространстве, где пребывали больные на излечении. В этом смысле «широкий» коридор был символом широких врат и просторного пути, ведущего к погибели. В данном случае – к погибели нормальной психики. Однако стоит признать, что в современной психиатрии эта погибель бывает и временной. Всё ж таки фармакологическая мысль дает порой ощутимые результаты, и многие больные вполне себе поправляются в процессе лечения.

По пути к двери, открывающей пространство «широкого» коридора, стоял большой аквариум. В нем свой рыбий век коротала аквариумная живность, состоящая из меченосцев и золотых рыбок разного вида.

Арсений остановился у аквариума и посмотрел в немигающие глаза телескопа⁶, медитативно зависшего вплотную к стеклу. Посмотрел и тихо сказал: «Ну, что, рыба, еще одни сутки единственной и неповторимой жизни я кладу на алтарь борьбы с безумием». Потом щелбаном стукнул по стеклу, отчего рыбка плавно вильнула хвостом, сделала разворот и отчалила в зеленоватую глубь аквариума, где продолжила медитацию.

Если бы телескоп мог думать по человечески, то, скорее всего, он бы озадачился вопросом: «И чего этим людям спокойно не живется?»

Арсений привычным движением открыл хитро устроенный замок, и окрашенная белой эмалью дверь из железа легко отворилась вовнутрь.

По «широкому» взад и вперед – во всю длину коридора – довольно энергично прогуливались больные. Так они восполняли недостаток движения от долгого нахождения в невольном пространстве. Этот маятниковый ход от стены к стене как способ сопротивления гиподинамией известен с незапамятных времен в среде арестантов, коими по сути – хоть и с оговорками – и были эти гуляющие.

Больные шли по одному, иногда по двое, и почти никогда группами по три-четыре человека. Шедшие парами либо разговаривали, либо сосредоточенно молчали, объединённые синхронным ритмом шага.

Если бы их лица увидел человек посторонний, ни разу не сталкивавшийся с подобными людьми, то он, наверное, на какое-то время оробел бы: поскольку наружность многих больных сильно сходилась с внешностью криминальных типов по Чезаре Ломброзо⁷.

Часто это были чрезвычайно негармоничные лица: грубые, словно вырубленные топором и далее не обработанные более тонким инструментом; с узкими и скошенными лбами, тяже-

⁶ Телескоп — порода аквариумной «золотой рыбки» с большими выпуклыми глазами.

⁷ Ломброзо Чезаре (1835-1909) — итальянский психиатр, ученый, автор антропологического направления в криминологии, в основе которого научно недоказанная идея о прирожденном преступнике, имеющем в своей внешности особые физические признаки, указывающие на склонность к преступной деятельности.

лыми надбровными дугами, асимметричными глазными впадинами, с чрезмерно развитыми челюстями и бугристой кожей со следами шрамов. Некоторые из больных были подстрижены под ноль, и сквозь оставшиеся миллиметры их волос были видны следы значительных травм головы. Все это дополнялось странным и даже пугающим непривычного человека выражением глаз, которое являлось следствием душевного страдания и приема нейролептиков⁸.

Впрочем, среди этого брутального собрания было немало и вполне обычных лиц, лишь только их взгляд отчетливо сообщал, что эти люди проживают свою жизнь как-то по-особому.

Неожиданно, как будто фигура собралась из уплотнённого воздуха, перед носом Арсения возникло мрачное, заросшее рыжей щетиной лицо с колючим взглядом исподлобья.

– Мне к Дивину надо! Срочно! Сугубо лично! – заявило лицо, тряхнув головой со включенными ярко-рыжими вихрами.

– Воронин, ты бы хоть «здрасьте» сказал. Ведь, целых трое суток не виделись, – дружелюбно заметил Арсений. Попутно захлопнув одной рукой дверь на «узкий», а другой — на мгновение перегородил Воронину путь к ней. После чего продолжил:

– Дивин будет делать обход, тогда ему и скажешь про свое сугубо личное.

– Но мне сейчас, надо, – настаивал Воронин, – сейчас, понимаешь ты или нет?

– Толя, не бузи, — непреклонно ответил Арсений. — Напиши лучше, что у тебя там опять, на обходе Дивину и отдашь.

— У меня бумаги нет, — с отчаянием возразил Воронин.

— Найдешь бумагу, до обхода еще два часа, — сказал Семён и отступил в сторону от ставшего еще более мрачным Воронина.

Анатолий Воронин был подкидышем. Он вырос в детдоме, который по злой прихоти судьбы стал местом падения грузового самолета.

Самолет упал на взлете с полными баками топлива. Толик спасся, но в его сознании с тех пор застряла картина кошмара наяву: из открывшейся двери выбегает в огненном потоке девочка-факел. Она кричит: «Мама! Мама!» и тонет в огне. С той поры в душе Толи появился надлом, который — опять же злым судьбинским путем — привел его в это отделение.

Воронин не был злодеем. Он оказался сначала в тюрьме, а потом на принудительном лечении, из-за старого нерабочего магнитофона, который взял у своего бичеватого⁹ знакомого в счет денежного долга, потому что последний денег не имел и сам предложил магнитофон. Вскоре знакомый передумал и написал заявление участковому о грабеже. А дальше по какому-то злему року, иначе трудно придумать разумное объяснение, слепая Фемида не стала разувать свои глаза...

В СИЗО у Воронина стремительно увеличился надлом, появившийся в день катастрофы. Он стал подолгу проваливаться в сумеречное помраченное состояние, и вел себя в нем так, что даже бывалые эки порой ощущали липкий страх. В конце концов, сокамерники Воронина пообещали администрации устроить бунт, если та «не уберет дурака».

Тюремный психиатр, придя из отпуска, всё быстро понял. И вскоре Анатолий Воронин, 19 лет от роду, бездомный, не имеющий родственников, временно неработающий, был предъявлен на амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу, в просторечии называемую «пятиминуткой». Тамошние доктора единодушно решили, что Воронин находится в болезненном состоянии, и что его надо лечить, пока он из этого состояния не выйдет. Так Анатолий стал «доизлеченцем». В этом полуформальном статусе он уже второй год и пребывал в отделении № 3.

⁸ Нейролептические средства (нейролептики) – лекарственные препараты, предназначенные для лечения психических заболеваний.

⁹ Бич (бичара, бичуган; ж. р. бичиха; мн. ч. бичевня; прил. бичёвский) — опустившийся, нередко бездомный, спившийся человек, живущий случайными заработками и/или попрошайничаящий. Во времена СССР слово иронически расшифровывалось как аббревиатура: БИЧ — «бывший интеллигентный человек».

Здравствуйте, Арсений Андреевич! – Раздался почти детский голос. И Арсений увидел перед собой невысокого подростка, одетого в маловатую – к его габаритам, – синюю, в крупную серую клетку, пижаму. Тот рассеянно улыбался раскосыми – с эпикантусом¹⁰ – глазами, обнажая неровные зубы в коричневатом налете.

Привет, Экиванов, – ответил Арсений, окидывая взором окружающую обстановку.

– Как дела у тебя?

– Меня Ольга Анатольевна пришибёт, – дурашливо ответил Экиванов.

– Чего это она? – удивился Арсений, и глянул мысленным взором на образ, возникший в сознании, единственной в отделении женщины врача. В этом образе Ольга Анатольевна, одной рукой быстро листала раздел «F» в пухлом МКБ-106¹¹, а другой – негромко стучала длинными пальцами по столу, словно по клавишам фортепьяно. Арсений отчетливо увидел на её лакированных ногтях узоры под хохлому и образ тут же исчез.

– А я ей говорел: Оля, любимая моя! – улыбаясь, ответил Экиванов. – А она рассердилась, говорит: еще так скажешь – пришибу тебя! Пришибу, говорит.

– Где это было? – спросил Арсений, глядя на ненормально счастливую физиономию.

– Меня Ольга Анатольевна в кабинет вызывали.

– Понятно, – растягивая произнес Арсений. – Назначит тебе лечение, будешь знать, как своим бестолковым языком молотить.

И Арсений пошел по «широкому», посекудно отвечая на приветствия обитателей отделения.

В глубине коридора на топчане сидел немолодой мужчина в медицинской униформе. Вид у него был плохо выпавшегося, а выражение лица выдавало блаженное благодушие. Это был санитар Вася Перемыкин, которого больные прозвали Перемкнутым за неадекватные особенности его личности.

Вася Перемыкин был из разряда людей по общению с которыми нельзя было однозначно понять: нормальный это человек или нет. Для того чтобы внести хоть какую-то ясность в понимание перемыкинской личности, придется войти в анналы психиатрии и вспомнить русского психиатра Ганнушкина¹². Он определил бы Василия Перемыкина как врожденно ограниченного, или, говоря без обиняков, как навсегда глупого человека.

Вася сносно учился в школе, имел неплохую память, и даже умудрился получить посредственное высшее образование, чем чрезвычайно гордился. Но эти качества и вехи остались бесплодными: к своим уже немалым годам Перемыкин уже несколько лет тянул санитарскую лямку без явной надежды когда-либо улучшить свое положение. При этом трудоустроен он был в отделение по знакомству. Иначе бы его давно вытурили отсюда за те вопиющие несуразности, которыми было насыщено его поведение здесь.

Возвращаясь к наблюдательному Ганнушкину, отметим, что одной из характерных черт Перемыкина была его увеличенная внушаемость. Из-за неё он часто попадал под влияние некоторых больных, чем те пользовались в своих интересах.

Работать в одной суточной смене со Перемыкиным среди персонала считалось делом хлопотным, поскольку к догляду за больными невольно присоединялся и догляд за Василием. Когда Перемыкин в начале своего санитарского пути с инициативой выполнял свои служебные обязанности, это нередко приводило к разным курьезам, а то и к возбуждению больных,

¹⁰ Эпикантус — часть складки верхнего века у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок. Признак характерен для монголоидной расы, редок у представителей других рас, часто встречается у людей с синдромом Дауна.

¹¹ МКБ-10: Международный классификатор болезней 10-го пересмотра. В разделе «F» МКБ-10 описаны психические расстройства и расстройства поведения.

¹² Ганнушкин П.Б. (1875 – 1933) — русский, советский психиатр, ученик Корсакова С.С. и Сербского В.П., профессор Московского университета, создатель психиатрической школы.

возмущенных его бестолковостью. Поэтому, после примерно года работы в отделении, Вася Перемыкин закрепился на позиции пассивного созерцателя и неуклюжего орудия-человека, способного выполнять по чужому служебному приказу самые простые действия.

— Здорово, — сказал Арсений, протянув Василию руку. Тот, встрепенулся и, рассеянно глядя перед собой, поздоровался, неловко сжав пальцы Арсения.

Затем, потерев лоб, озабоченно произнес:

— Мне надо раньше уйти. В двенадцать начнется.

— Руку мне не сломай, богатырь комнатный, — засмеявшись сказал Арсений, освобождая кисть из тисков перемыкинских приветствия.

— Сказали не есть, — озабоченно продолжил Перемыкин.

— В больницу что ли, или что с тобой? — Спросил Семён, оценивая внешнее физическое состояние Василия: выглядел тот вполне здоровым, только небольшая краснота в его глазах указывала на утомление от недостаточного сна.

— У меня сегодня первая сессия, — неопределенно ответил Перемыкин.

Услышав это, по мысленному экрану Арсения замелькали предыдущие перемыкинские заделья, которые Вася находил себе, чтобы, как он заявлял, стать успешным человеком. В перечне прошлых опытов Васиной самореализации был тренинг ораторского мастерства, распространение подарочных купонов, «правополушарное» рисование, торговля акциями по интернету и изучение английского языка в какой-то протестантской секте. Были у Василия и другие затеи, но все их он и сам вряд ли помнил, так как они быстро сходили на нет и не оставляли в памяти заметных следов, словно это были удары тупого топора по твердому дереву. Самой глубокой зарубкой в его памяти была торговля акциями. Она же оказалась и самой денежно затратной темой: с той поры на Васиной шее незримой гирей висел кредит, взятый в банке под грабительские проценты.

— Иду на холотропное дыхание, — гордо вскинув подбородок, закончил Перемыкин.

— Чтоб ты был здоров, — усмехнулся Арсений, вспоминая давно читаную книжку по трансперсональной психологии Грофа¹³, и сеанс самого «дыхания», виденный им со стороны. Где экзальтированные барышни молодого и среднего возраста, немного разбавленные хипстерского вида сильной половиной, под чуднУю музыку, разлегшись на полу, в переживании грёз, вызванных быстрым дыханием, беспорядочно двигали своими телами, смеялись, плакали, пели и рыдали. Либо же были неподвижны и молчаливы, как мумии коммунистических вождей.

— На кой оно тебе сдалось, это дыхание?

— С помощью холотропного дыхания происходит устранение эмоциональных блоков, связанных с негативным опытом прошлого. Что, в свою очередь, освобождает ресурсы индивидуума, находящиеся в его бессознательном, необходимые для его личностного роста — словами рекламного зазывалы ответил Перемыкин.

— Ясно, — сказал Арсений. И кивнул в сторону, где находилась одна из палат, в которой больной — видимо, из числа, тех, кто умел пользоваться внушаемостью Перемыкина — еще находился в кровати, укрывшись одеялом с головой.

— Смотри, как бы рядом с ним на соседней койке не оказаться, после холотропного дыхания, — усмехнулся Арсений. А затем перешел на официальный тон и спросил:

— И чего, Вася, он лежит у тебя до сих пор, кто это?

— Это Самбор, у него голова сильно болит, — обреченно ответил Перемыкин.

Арсений улыбнулся, представляя, как хитрый Самбор, бывший на воле вором-карманником, убеждал Васю, что мучается от головной боли.

¹³ Гроф Станислав (1931 г.р.) — чешский, американский психиатр, исследователь ЛСД (психоактивное вещество, вызывающее сильное изменение восприятия, мышления, эмоций). Создатель спорного метода решения психологических проблем: холотропного дыхания, в ходе которого из-за глубокого и частого дыхания (гипервентиляции легких) возникают измененные состояния сознания (эйфория, экстаз, галлюцинации и т.п.).

– Иди подымай его, нечего дисциплину разлагать.

Перемыкин понуро встал с топчана и пошел в палату. Оттуда вскоре донеслись звуки пререканий, потом шум возни, который, однако, быстро смолк, и из палаты вышел Самбор. Он на ходу вполголоса костерил Перемыкина, называя его «мудило перемкнутое», и даже собрался плюнуть в Васину сторону, однако сдержался, встретив взгляд Арсения. Самбор бурчал, пока не скрылся за дверями санузла, бывшего здесь, кроме места гигиены и отправления естественных надобностей, еще и неофициальной курилкой.

Следом — на выход из широкого коридора на узкий — направился и сам Перемыкин: теперь его смена считалась оконченной.

Глава 3

Сегодня в смене с Арсением были медсестра Анна Петровна очень возрастная женщина, давно работавшая в психиатрии, и несмотря на свои года, чрезвычайно эмоционально устойчивая и добросовестная.

Медсестра Милана – девушка еще молодая, но побывавшая уже замужем. Довольно привлекательная собой, бывающая резкой на язык, и вполне уверенно держащая себя в таком специфическом мужском окружении, как мужское отделение принудительного лечения.

Эти дамы, с точки зрения Арсения, были сильными звеньями смены. Слабым же звеном был медбрат Иван Никитич, тоже возрастной, как и Анна Петровна. Но в отличие от последней, Иван Никитича нельзя было назвать ни эмоционально устойчивым, ни добросовестным. Это был человек, старавшийся отбыть положенные ему 24 часа, как можно более безучастно; нисколько не заботясь, что будет твориться в это время вокруг него. Все его кредо на рабочем месте сводилось к формуле: пусть хоть пожар с потопом, лишь бы меня не касалось.

Впрочем, у Ивана Никитича было и одно положительное свойство: его грубоватая манера общения с больными часто вызывала положительные эмоции у последних. Особенно это проявлялось, когда его призывали к работе, вынимая из сна, в который он часто погружался в течение смены.

Например, это могло быть так: он сидел с больными на «широком» коридоре перед телевизором, и, не слыша шума телетрансляции, негромко похрапывал, чему-то улыбаясь во сне. Анна Петровна, подходила к нему, и говорила:

– Иван Никитич, идите за лекарствами, раздавать уже пора.

То есть пришло время приема больными лекарств (в основном в виде таблеток). Для этого надо было пройти на «узкий» коридор, там взять лоток с разложенными для каждого больного препаратами, и далее — уже на «широком» — выдать каждому ему положенное. При этом нужно было еще проследить, чтобы лекарства были действительно приняты, проглочены, а не выброшены или спрятаны больным тем или иным образом.

Услышав это, или что-то подобное, Иван Никитич с некоторой отсрочкой просыпался, оглядывал обстановку вокруг, и обычно говорил примерно следующее:

– Ну, сейчас я вам, мудозвоны, задам корму, всех вылечу к чертям собачим.

Однако эта внешне грубая речь всегда произносилась с каким-то дребезжащим старческим добродушием, и поэтому больные не оскорблялись такими словами, а некоторых подобное обращение даже веселило. Что, несомненно, немного снижало общее нервное напряжение, которое всегда ощущалось в ауре этого места.

Арсений обошёл все палаты, проверил исправность оконных решеток и замков на них, проследил, чтобы дежурные по палатам больные помыли в них пол. Попутно сверил соответствие мытья пола именно дежурным по списку, а не кем-то еще. Такое здесь практиковалось, когда, вместо дежурного, уборку делал какой-то другой больной за мзду малую или за разные долги, возникающие между больными. Арсений такого не допускал, и всегда придерживался официального порядка, и поэтому прослыл в среде больных человеком справедливым.

После осмотра палат Арсений зашел в санузел, который, как уже было сказано выше, был еще и курилкой. Для этих целей в его зарешеченное окно с толстым – в палец толщиной – узорным стеклом, был вставлен вентилятор, непрерывно – 24 на 7 – высасывающий тяжелый воздух, состоявший из миазмов отходов человеческой жизнедеятельности, табачного дыма и влаги, идущей из ванной.

Там Арсений увидел старика Ненарокова, который, сидя на корточках, шарил руками в мусорном бачке. Двое больных по очереди курили крошечный окурочок, зажатый между двумя спичками.

Степень безумия Ненарокова была не очень высокой: временами он производил впечатление вполне здорового старика, когда мог с подробностями рассказывать об интересных моментах своей длинной жизни, которой уже было семьдесят лет. Это были светлые периоды его сознания. Но эти периоды чередовались со значительными по времени моментами, когда его сознание затуманивалось, покрывалось какой-то пеленой однообразного бреда, в которой Ненарокову казалась, что он владелец квартиры, в доме, который вот-вот достроят или уже построили. Эту квартиру он подарил или подарит своему сыну программисту, который живет в далеком заграничном городе. В такие замутненные периоды Ненароков мог часами говорить о своем квартирном вопросе, и неважно было, если ли у него слушатель или нет. Если же кому-то надоедала это бесконечная история, и человек начинал возражать Ненарокову, то старик мог быстро обозлиться, и даже впасть в ярость.

Ненароков был в прошлом моряком гражданского флота, с молодых лет ходившим на разных судах по мировым океанам. Он был неудачно женат, и у него был сын, который вырос без его участия. Всю жизнь Ненароков не нуждался в деньгах, и было даже, что в советское время выиграл в лотерею «Жигули»¹⁴. Но как-то всё сошло на нет, и когда Ненарокова окончательно списали на берег, оказалось, что у него нет своего жилья, и что он уже двадцать пять лет жил между походами в море, то у своих любовниц, то в квартирах, которые снимал у своих знакомых.

После осознания этого факта Ненароков взялся за решение квартирного вопроса, он собрал все финансы, которые у него были, и вложил их в доленое строительство. Но толи застройщики были изначально мошенниками, толи они не рассчитали свои силы, только по итогу Ненароков и остальные дольщики остались свидетелями возведения трех этажей многоэтажного дома, после чего стройка прекратилась, а застройщики куда-то бесследно удалились.

Где-то год Ненароков с другими дольщиками пытались выправить свое квартирное дело, обращаясь в различные инстанции. Но в конце концов к ним пришло понимание, что вместо жилья, за которое были отданы их кровные, они могут получить только три этажа недостроенного дома, но не желанный домашний очаг.

Потеря надежды обретения своего угла нарушила психический баланс Ненарокова, и его личность стала мало по малу разрушаться, будто это был старый дом, оставленный людьми на попечение вечно деятельной природы. Человек берет материал из природы, делает из него себе вещи. Но как только человек останавливается в своем делании, природа начинает возвращать этот материал себе обратно. Так на месте большого дома, который покинули люди, через несколько столетий появляется зеленеющий бугор.

Ненароков помыкался еще год, приходя почти каждый день на место замершей стройки. А потом он уехал к сестре, в далекий сибирский городок, где когда-то родился. Там от родителей осталась маленькая квартирочка в деревянном доме, построенном в далекие 50-е XX века японскими военнопленными. Квартирочка эта была сестре без особой надобности, и она из родственного чувства пустила в неё своего бездомного брата.

Пенсия была хоть и небольшая, но позволяла Ненарокову довольно сносно жить по меркам провинциального городка. Можно было сказать, что старик вернулся из моря в свою последнюю гавань, откуда он уже отчалит в океан вечности. Но на беду у сестры был непутевый сын, тративший свою жизнь на борьбу с зеленым змием. А это, как знают читатели — любой степени трезвости, — занятие безнадежное и проигрышное и для самого могучего

¹⁴ «Жигули» — семейство советских и российских легковых автомобилей Волжского автомобильного завода («АвтоВАЗ»), созданных на базе итальянского автомобиля Fiat 124.

атлета. Непутевый племянник взял себе привычку появляться у дяди, в дни, когда тот получал пенсию. И всякий раз Ненароков занимал ему денег на выпивку, долги же эти пьющий племянник, как уже понятно, никогда не возвращал.

Однажды Ненароков получил пенсию тремя крупными купюрами, но не успел их разменять. Как обычно заявился непутевый племянник, чтобы в который раз одолжиться у дяди. Ненароков уже выучил привычки своего беспутного родственника, и знал, что сколько ему не дай, он всё отправит в алкогольную прорву. Время было вечернее, и разменять крупную купюру не было возможности, поэтому Ненароков предложил бухарику обождать до утра, когда можно будет сделать размен в соседнем магазине. Племянник ждать не хотел, стал напирать на Ненарокова силой: свалил его на пол и начал душить. И задушил бы, но Ненароков уже почти в агонии нащупал лежащую на полу гантельку, которой еще в детстве растил себе мускулы. Нашупал и ударил ей непутевого племянника по голове множество раз.

Когда племянник затих, Ненароков испугался так, как не пугался никогда в жизни. В лихорадке он замотал голову убитого полотенцем, чтобы та не пачкала кровью. Потом, напрягая свои старые мышцы, вытащил труп на улицу и унес его на ближайший пустырь, где кое-как прикопал коченеющее тело в канаве. Всё это Ненароков проделал с необычайным везением для таких дел: никто из соседей ничего не услышал и не увидел.

На четвертый день после убийства к Ненарокову пришел участковый с вопросом, когда тот в последний раз видел своего племянника. Ненароков наврал, что занял племяннику денег с пенсии, и тот ушёл по своим алкогольным делам. Через день бродячие собаки разрыли на пустыре труп племянника, а еще через день Ненарокова задержали.

Запечатлев картину, нарисованную жесткой рукой реальности, Арсений кивком поприветствовал курильщиков, и недовольно сказал, обращаясь к старику:

— Дед, уже сто раз тебе говорил не лазить в мусоре.

— Курить охота, — кротко ответил Ненароков, глядя на Арсения с выражением глаз голодной собаки.

Арсений пристально посмотрел на него и зафиксировал случайную мысль: «Доживешь до старости. Превратишься глупого старика. Убьешь дурака. Посадят в дурдом. Будешь искать бычки в мусоре».

Арсений покачал головой, словно отгоняя неприятную фантазию, и сказал:

— Старый, руки вымой, мыло же есть у тебя?

— Есть, есть, — суетливо ответил Ненароков, с проворностью поднялся с корточек и поспешно вышел вон. Меньше через минуту Ненароков уже стоял у раковины и мылил трясущиеся руки. Смыв пену, он вытер их о пижаму и с ожиданием уставился взглядом на Арсения.

Арсений достал из кармана пачку «Примы», вынул оттуда сигарету и протянул её Ненарокову со словами:

— Морока с тобой, Ненароков.

Старик прытко схватил сигарету, сунул её в рот, затем, порывшись в кармане пижамы, вынул оттуда затертый спичечный коробок. Достал из него обломок спички несколько раз им чиркнул и подкурил. Потом жадно затянулся, подержал в себе дым и медленно выдохнул сизое облако. После этого посмотрел на Арсения и, улыбаясь металлом коронок, с благодарственной интонацией сказал:

— Уважил старика.

— Ага, расскажи всем, какой я добрый, — усмехнулся в ответ Арсений.

Стоит пояснить, что количество официальных телесных удовольствий в отделении было ограничено едой, питьем чая, кофе: «три в одном», а также курением табака. Из них только еда была обязательным и каждодневным элементом, оставшиеся же удовольствия: чай, кофе, табак имели непостоянный характер, поскольку они покупались на деньги больных, а кроме того,

больные часто злоупотребляли ими, поэтому администрации отделения приходилось регулировать их количество. Чай здесь — за исключением включенного в больничный рацион — был только пакетированный, и его больной он мог заваривать не более одного пакетика на кружку, при этом кипяток для заварки официально можно было получить только один раз в день.

Кофе «три в одном» выдавалось практически без особых ограничений, но такое кофе было у больных не очень популярно, поскольку у большинства из них имелся опыт пребывания в тюрьмах и прочих местах заключения, где они привыкли пить очень крепко заваренный чай, известный как чифир.

Курящий больной получал на два-три дня одну пачку сигарет, что для обычного курильщика было явно недостаточно. А потому курево и — уже упомянутый чай — были в отделении практически всегда в дефиците и выполняли роль местной валюты.

Арсений имел врожденную независимость от никотина, и мог месяцами не курить, не испытывая при этом никаких неудобств. Приходя же на сутки в отделение, он всегда брал с собой табак. Сначала это был «Беломорканал», потому что он был дешев, не особо противен на вкус, а его пачка вмещает 25 папирос. Позже от «Беломора» пришлось отказаться, когда выяснялось, что больные используют папиросы для курения конопли, которая нелегальными путями иногда попадала в отделение. Поэтому он стал приносить с собой пачку самых простых сигарет. В его руках они превращались в одно из средств влияния на больных, которым Арсений пользовался с переменным успехом.

После нескольких затяжек выражение глаз голодной собаки Ненарокова сменилось на добродушное человеческое, черты его лица заметно разгладились, он немного приосанился, и можно даже сказать: помолодел. Глядя на него теперь, вряд ли можно было представить, что этот старик еще пять минут назад голыми руками рылся в мусорном баке.

Читателям может показаться, что автор поет дифирамбы курению табака, которое по факту есть такая же наркотическая зависимость, как алкогольная или героиновая. Но дело в том, что в обстановке закрытого отделения, для престарелых заядлых курильщиков, подобных Ненарокову, табакокурение было практически единственным — хоть и вредным — способом выйти из состояния апатии, которая постоянно подкреплялась однообразной серостью здешней жизни.

— Старый, — через минуту продолжил Арсений, глядя как Ненароков уже бычкует окурок, убирая с него горящий уголек. — У меня к тебе убедительная просьба: до завтрашнего утра, пока я не сменюсь, к мусорному баку больше не подходить. Иначе моей уважухи к тебе больше не будет. Хорошо?

— Это я завсегда, ежели меня попросить.

— Ладно, — закончил Арсений, — я тебя попросил.

Глава 4

Больничное утро давно закончилось, день близился к полудню. Арсений за эти часы слегка утомился, поскольку прошёл за это время, наверное, несколько километров по длинным больничным коридорам, сопровождая больных по разным медицинским делам.

Идя по «широкому», Арсений увидел, как кто-то, лежа на кровати, читает большую черную книгу. Книга была настолько велика, что лица читателя за ней не видно, и можно было сказать, что чтение с головой поглотило личность читавшего.

Такой большой и черной книги, издали похожей на квадрат Малевича, прежде здесь Арсений не видел. Это был увесистый фолиант, на черноте которого, блестящей, как чертова кожа, желто сияло неведомое название, набранное на латыни золотым готическим шрифтом.

Арсений любил книжное чтение, и ему всегда было любопытно, чем наполняют свое сознание здешние постояльцы. Хотя и понимал, что их интересы чаще всего ограничены не особо значительным содержимым библиотеки отделения, которое по своему вкусу и чутью отбирала трудотерапевт Вероника Ивановна, женщина немолодая, одинокая, простоватая, с умом, закованным в принцип чеховского Беликова¹⁵: «как бы чего не вышло».

Читал книгу больной Лавиров, бывший солдат–срочник, едва не расстрелявший караул, как записано в приговоре суда: «вследствие внезапно возникших неприязненных отношений к сослуживцам». На его лице отроду малоприятном – и даже уродливом, – похожим на мурло химеры с собора Парижской богородицы, было выражение крайней степени сосредоточения. Он не обращал внимания на происходящее вокруг, и Арсений несколько секунд наблюдал, как Лавиров беззвучно шевеля губами сопровождает читаемое. Отчего он становился похож уже не на химеру, а на глубоководную чудо-юдо рыбу, вынутую на берег.

— Что читаешь? — спросил Арсений, безуспешно пытаясь уловить смысл названия книги, которую Лавиров после секундной паузы, необходимой ему для выхода из читательского транса, спохватившись закрыл и повернул названием к себе.

— Про разное, — ответил Лавиров, пряча книгу под одеяло.

— Дай, посмотрю, — сказал Арсений, и ощутил пробежавшую по телу неприятную дрожь.

— Вам неинтересно будет, — ответил Лавиров, тонкими руками с силой обхватив по верху одеяла книгу.

— Нет, дорогой, мне нужно посмотреть, что это, — сказал Арсений, и снова ощутил неприятное, бывшее на этот раз холодком внизу живота.

— Дай, посмотрю, что там, и отдам.

Арсений заметил, что взгляд Лавирова направлен помимо его. Он обернулся и увидел у себя за спиной больного Зарядина, стихийного анархиста и, как он сам говорил, убежденного антиленинца, на воле в химическом психозе¹⁶ столкнувшегося с балкона многоэтажки своего дружка, с которым он употреблял нелегальные наркотики. Нарядин напряженно, и даже злобно смотрел на Арсения глазами с неестественно расширенными зрачками.

— Вы чего, пацаны? — озадачился Арсений и развернулся так, чтобы оба больных были в поле его зрения. Лавиров и Зарядин угрюмо молчали.

— Дай, посмотрю, — с нажимом продолжил Арсений, отмечая у себя легкое волнение.

— Только не забирайте, — согласился Лавиров и протянул книгу.

¹⁵ Беликов – главный герой рассказа Чехова А.П. «Человек в футляре».

¹⁶ Стимуляторный психоз, или психотическое расстройство, вызванное стимуляторами — психическое расстройство с психотическими симптомами (например, галлюцинациями, параноидальными идеями, бредом, дезорганизованным мышлением и поведением), возникающее у некоторых людей, употребляющих психостимуляторы.

Арсений не стал изучать название, а сразу открыл первую страницу, выхватив взглядом середину второго абзаца. «...злое...вкусать мясо...челов...», после трех или пяти слов, до него резко дошёл смысл всего написанного, и тут же его тело дернула сильная конвульсия, словно по нему ударило электротоком.

Он чертыхнулся и непроизвольно отбросил от себя книгу прочь; ошарашено посмотрел по сторонам, потом на Зарядина, на Лавирова. А тот, со скоростью молнии метнулся под кровать, достал улетевшую туда книгу, и снова спрятал её у себя под одеялом. Для верности сел на неё сверху и опять стал похож на парижскую химеру.

— Вы что читаете то? Вы где её взяли, чернокнижники хреновы? — дрогнувшим голосом, спросил Арсений, еще больше ощущая неприятный холодок внизу живота, который, как теперь понимал, был связан и с книгой, и с дремавшей агрессией Лавирова, Зарядина, готовой вот-вот вырваться наружу.

Черты их лиц в этот момент изменились, стали пугающе чужими, незнакомыми, в глазах обоих заблестело какое-то безумное выражение, и Арсений понял: если он попытается забрать книгу, эти двое тут же кинутся на него.

— Ладно, — сказал Арсений, незаметно медленно выдыхая, чтобы успокоить внезапный эмоциональный шквал в себе.

— Вижу к диалогу вы не готовы, но я это поправлю.

Он двинулся по «широкому» к выходу, с лицом, выразившим крайнюю степень недовольства.

У выхода был большой телевизор, купленный на средства авторитетного предпринимателя Паши Булкина, оказавшегося на принудительном лечении за вымогательство в особо крупном размере.

Паша был далеко не дурак, и когда из недалекого будущего показалась перспектива лишения свободы на срок от 7 до 15 лет, он сделал так, что был признан психически больным. Поэтому сейчас он с интересом смотрел любимый футбол, и видя спешно проходившего мимо явно недовольного Арсения, по-приятельски спросил:

— Что случилось, начальник?

— Бунт на корабле, не слушаются демоны, — Арсений кивнул на выглядывающего из палаты Зарядина.

И, выходя на «узкий», разочарованно закончил, обнаруживая свое сожаление уладить непорядок мирно:

— Попьют они теперь чаю и покурят.

Едва Арсений зашел на «узкий», как сразу столкнулся Миланой, катившей ультрафиолетовый облучатель. В зимнее время в отделении случались вспышки ОРВИ и бывало, что за день приходилось ставить капельницы нескольким десяткам больных. УФ-чистка воздуха помогала ослабить вирусный натиск, а потому перекачивание рециркулятора в разные места обширного отделения было здесь почти ритуальным действием.

— По аэродрому, по аэродрому бежит хирург, он спешит к больному его спасут, — шутливо шепнул Арсений Милане, оценив её растерянный вид.

— Девушка, с вашей внешностью в таких местах работать нельзя! — раздался незнакомый мужской голос из глубины коридора. Голос шёл от рыжего и веснушчатого лейтенанта в форме судебного пристава. Он стоял возле фикуса и жизнерадостно улыбался в сторону Миланы.

Надо заметить, что вне стен психбольницы, некоторые больные пользовались спросом у мошенников, которые оформляли на них крупные денежные кредиты. Поэтому иногда в отделении появлялись судебные приставы, чтобы исполнить производство по долгу, сделанному одним из здешних постояльцев во время их вольной жизни. И само собой, всегда эти попытки исполнения были безуспешными.

— Предложите место, где мне можно работать, — на ходу ответила Милана и нервно вздохнула.

Заявка девушки была невыполнимой для пристава, он замолк и спрятал ставшее красным лицо в фикусовых листьях.

Как было выше сказано, Милана была хороша собой, и нахождение её в таком скорбном месте, как психбольница, резало глаз любого мужчины, который, вспоминая слова киногероя, был способен хотеть Ларису Ивановну¹⁷.

Несмотря на привлекательность, личная жизнь Миланы к текущему моменту была фатально неудачной. Её немногие связи с мужчинами, оставили на сердце Миланы рубцы разочарований, а в её голове закрепились мысли о своей обделенности и несчастной судьбе. Главным же в списке личных неурядиц Миланы было то, что последний её фактический муж — ушлый торговец китайским контрафактом, с которым она прожила 3 года — бросил её в один день, оставив только неоплаченный месячный долг за квартиру, которую они вместе снимали. И что самое печальное: два аборта, которая Милана сделала, поддавшись на уговоры безответственного мужа, укрепили её в убеждении, что она уже безвозвратно изуродовала свою женскую природу.

Как-то на юбилее Анны Петровны, расторможенная спиртным, в слезах и отчаянии, Милана кричала смущенному Арсению на глазах у удивленных сослуживцев:

— Арсений, возьми меня замуж! Я буду хорошей женой! Почему мужчины такие сволочи?!

Арсений же, когда услышал, это недвусмысленное заявление, покраснел до кончиков ушей, пробубнил что-то невразумительное и в смущении экстренно покинул юбилей.

Через несколько дней, уже на две трезвые головы, Арсений пытался объяснить Милане, почему он не может с ней сочетаться. Говорил, что мужчины делятся на две категории: одни делают женщину счастливой, другие — несчастной. И что с ним Милана вряд ли будет счастливой. После этого разговора Милана стала тихо ненавидеть Арсения.

Не успел Арсений решить, как беспроblemно изъять чертову книгу у несговорчивых чернокнижников, как его окликнула Милана. У входа на «широкий» она стояла в компании виновато улыбающегося Зарядина, и насупленного, шмыгающего носом Лавирова, сжимающего в дрожащих руках злополучную книгу.

«Сто пудов — Паша постарался», — подумал Арсений и представил, как Булкин, нависая своей массивной фигурой и чуть покачиваясь, делает внушение возмутителям больничного спокойствия.

Булкин, в силу своего интеллектуального, физического и прочего ресурсного превосходства над остальной массой больных, был в отделении неформальным лидером. И в определенной степени обеспечивал здесь порядок выгодный в первую очередь ему самому. Время от времени, как здесь говорили больные, он «подмлаживал» явных нарушителей негласных правил, отвечивая им пару-тройку увесистых боксерских тумачков. При этом экзекуция сопровождалась удивительно четким и логичным комментарием на блатном языке.

Перемена настроения больных волной облегчения накатила на Арсения, но после отката обнаружилось, что неприятное, гадливое ощущение от черной книги никуда не делось. Он достал из кармана пару смотровых перчаток и медленно натянул их на руки. Также медленно, чуть ли не на цыпочках, подошёл Лавирову, где вопросительно замер, не решаясь действовать дальше. Лавиров, видимо отзеркалив нерешительность Арсения, протяжно засопел в своих колебаниях, и нехотя передал книгу. Арсений, преодолевая отвращение, как будто ему предложили прикоснуться голыми руками к дохлой змее, взял кончиками пальцев книгу и едва

¹⁷ Лариса Ивановна (роль Елены Прокловой) — стюардесса международных авиалиний, героиня советской кинокомедии «Мимино».

не выронил её. Она оказалась сейчас невероятно тяжелой, как пара кирпичей. И эта тяжесть словно сама предлагала избавиться от неё: уйти, убежать, закинуть её куда подальше.

Суэта, связанная с книгой, возбудила любопытство Миланы и ей неудержимо захотелось узнать, о чем же в ней написано.

Надо заметить, что несмотря на свою притягательную внешность, глядя на которую можно было предположить, что Милана легкомысленна, ей были не чужды и духовные, нематериальные интересы. Она была знакома с произведениями главных лиц литературного иконоста русских классиков, ценила Ахматову и Цветаеву, поэтому черная книга заняла всё её внимание, стала доминантой, как сказал бы физиолог Ухтомский¹⁸.

— Что за книга, Сеня? Дай посмотрю, — скороговоркой попросила Милана, как только Зарядин и Лавилов скрылись за дверью в широкий коридор.

— Да дрянь какая-то, чертовщина. Её не только читать — мне её в руках держать противно. Мерзость, — ответил Арсений, по-прежнему кончиками пальцев держа книгу на весу и не зная, что с ней делать дальше.

— Ну дай посмотрю, тебе жалко, что ли?

— Мила, дрянь книжка: мне полстрочки хватило, чтобы стало дурно.

«Почему он считает меня душой? Неужели я никчемная только потому, что я медсестра в психушке? Упрямый...» — с обидой подумала Милана и отвернулась к окну, чтобы не было видно её увлажнившихся глаз.

Арсений не стал препираться, кинул книгу на кушетку в сестринской и ушёл на «широкий».

¹⁸ Ухтомский А. А. (1875–1942) – русский, советский физиолог, известный учением о доминанте — особом возбуждении в коре головного мозга.

Глава 5

На «широком» по-прежнему сновали туда-сюда больные. Примерно посередине коридора в одиночестве брел среднеазиатского вида человек. Недавно стриженный под ноль, с розовыми пятнами на коже, словно печатями, расставленными на лице и волосяной части. Это был мигрант Ашууров, попавший в «принудку» за убийство сожительницы.

Ашууров замер на месте, медленно упал на пол, где стал дрожать, подергиваться всем телом, показывая легкий истерический припадок. При этом его голова была на весу и не касалась бетонного пола, а розовые пятна-«печати» становились ярко-красными, будто это были следы недавнего ожога. Другие больные, как бы не замечая Ашуурова, обходили его. Некоторые высказывали свое недовольство, глядя на ашууровские телодвижения.

Поливкин, деревенский рубаха-парень, изрядно порезавший по пьянке случайных людей на свадьбе племянницы, с озорством заглядывая Арсению в глаза, говорил:

– Вот ведь, шельма нерусская, трясется, а башкой не колотится. Аферист хренов!

Кроме убийства, со слов Ашуурова, следователи пытались «пристегнуть» ему и эпизод педофилии. Ашууров шёл в отказ по этому эпизоду, и в СИЗО, откуда его привезли «доизлеченцем», возвращаться категорически не хотел, боялся.

– Помоги подняться единоверцу, – обратился Арсений к угрюмому исламскому экстремисту Хамраеву. Тот крутил черные четки-болтухи пальцами в синих тату-перстнях и равнодушно смотрел в сторону Ашуурова.

– Он фасик, намаз не делает, уразу не делает, закят не дает, – ответил Хамраев, перекинув болтухи из одной руки в другую.

Арсений узнал об исламе еще в раннем детстве, когда был дружен со своим одноклассником Наилем, внуком муллы, стариком, которого люди называли дед Кашап. Однажды Арсений с Наилем через окно залезли в комнату деда и стали рассматривать старинный рукописный Коран¹⁹, который дед регулярно читал через выдавшие виды очки в железной оправе. Дед застал их за этим занятием и сильно рассердился. Арсений успел выпрыгнуть в окно и убежать, хотя сильно исцарапался в росшем под окном крыжовнике, а Наилю досталось: дед с криком вытянул его деревянной палкой-клюкой:

– Кто тебе, паршивцу, позволил брать книгу, да еще грязными руками?!

С тех пор прошло много времени, но тот случай гнева деда Кашапа навсегда запечатлелся в памяти Арсения, и он невольно напрягался, когда встречался с мусульманской верой в своей жизни. Лет через десять после этого случая между Арсением и дедом Кашапом, тогда уже окончательно состарившимся и полуослепшим, был короткий разговор, в конце которого дед сказал:

– Бог у всех один, только веры разные.

Тогда Арсений пообещал себе, что он обязательно узнает, что это за вера мусульманская. Мало-помалу Арсений разобрался – насколько это возможно русскому человеку – в сути магометанства и пришел к убеждению, что ислам — это средневековая попытка уйти от влияния христианства, религии простой по идеям, но очень сложной по их исполнению.

Вначале Арсений воспринимал две мировые религии, как своего рода сказки: христианство – «еврейские сказки», а ислам – «арабские сказки». Но однажды ему пришлось личное откровение, он понял главный посыл христианства: добро и зло среди людей творится не действиями, а мыслями человека и ничем больше. Без мысли нет действия. Счастье и беды человека — это следствие его помыслов.

¹⁹ Коран — священная книга мусульман, написанная на арабском языке.

В христианстве, вернее в личности Христа, Арсения озадачивало только одно обстоятельство: почему Христос выгнал торгующих из храма. Вернее, почему он совершил их удаление таким способом, то есть фактически устроил погром. Ведь мог же он вначале их попросту попросить освободить храм. Но он их именно выгнал, побивая саморучно сделанным бичом и переворачивая прилавки. Почему Христос поступил так по-человечески, а не по-божески, не по-христиански, для Арсения оставалось неразрешимой загадкой.

Тем временем телесное беспокойство у Ашурова прошло, он самостоятельно поднялся с пола и, как ни в чём не бывало, продолжил движение по «широкому», бормоча себе под нос нерусские слова. Со стороны это было похоже на то, будто он молится или делает доклад кому-то невидимому.

– Ад-д-д!!!

Вдруг раздался вопль такой силы, что стены коридора, казалось, завибрировали. Арсений не сразу сообразил, откуда пришёл звук. Но тут же последовал новый вопль:

– Ад восстанет!

Стало ясно: орут в самой большой – пятой – палате. Арсений семимильным шагом зашёл в палату и увидел парня в разорванной на груди желтой майке, волчком крутящегося на двух впритык стоящих кроватях. Это был Бамбула, всегда тихий и незаметный в отделении, на воле бывший студентом-историком, едва не задушивший в бреду ревности свою подружку. Характер движений Бамбулы исключал эпилептический припадок²⁰. Было видно, что здесь что-то другое. Арсений поймал его за руку, повернул на спину и прижал к кровати, благо что Бамбула был по-юношески легок.

– Что с тобой, Игорь? – спросил Арсений, пытаясь поймать взгляд Бамбулы, резко и сильно крутящего головой из стороны в сторону. Левая рука у него была расцарапана до крови, на лбу краснела намалеванная кровью перевернутая пентаграмма.

– Подержите ему голову кто-нибудь, сломает шею, – обратился Арсений к больным, сгрудившимся возле кровати Бамбулы.

Чьи-то руки в зелено-клетчатых рукавах затормозили голову Бамбулы. Его глаза со стеклянным блеском бесфокусно тарасились на неестественно бледном лице, губы же, наоборот, налились пунцовым цветом.

– Губы, как у молодой девки перед свиданием, – шепнула подоспевшая на крик Анна Сергеевна. – Не иначе: лечение отменили, вот тебе и реакция, – заключила она с обыденной пронизательностью.

Тем временем позвали врача. Явился Аркадий Петрович, лет 30 от роду, субтильный, неуверенный, с мальчишечьим, вернее сказать, с детским выражением лица. Он был из династии психиатров, но практически имел мало способностей к этой медицинской деятельности. Медицинская родня Аркадия Петровича выучила его на врача только лишь потому, что «Аркаше надо было где-то работать».

Аркадий Петрович распорядился вынести койку Бамбулы на широкий коридор и зафиксировать, то есть привязать больного к койке тряпичными лентами, вязками, как их здесь называли. Сам же пошёл звонить своему родителю, опытному врачу из соседнего «острого»²¹ отделения, с вопросом, какое лечение Бамбуле назначить.

Арсений и в жизни вообще, и в своей санитарской практике старался воздерживаться от физического давления на живое, если это было возможно. Поэтому никогда «вязками» –

²⁰ Эпилепсия – хроническое неврологическое заболевание, проявляющееся в предрасположенности организма к внезапному возникновению судорожных приступов.

²¹ «Острое» отделение – просторечное название общепсихиатрических отделений в психбольницах России, куда, наряду с другими категориями психически больных, поступают на лечение больные в состоянии острых психотических расстройств (в состоянии психоза).

официально: мерами физического стеснения – фактически не пользовался. Когда же это было неизбежно, как сейчас, то делал это чисто символически.

Пока больные с лязганьем переносили кровать Бамбулы в коридор, Арсений наладил с ним контакт и ввёл в его затуманенное сознание установку, что привяжет его только для вида, что ему не следует дергаться, лежать нужно тихо, и тогда через час или полтора Арсений его отвяжет.

Добровольные осведомители Анны Сергеевны из числа больных сообщили ей подробности происхождения Бамбулиного аффекта, которыми она немедленно поделилась с Арсением. Выяснилось, что кровавую пентаграмму на лбу Бамбулы нарисовал Зайченко, на воле зарезавший куском оконного стекла своего приятеля, вместе с которым входил в круг любителей сатанизма, развлекавшихся ритуальными убийствами котов и собак в заброшках, и иногда пивших кровь этих безвинно убитых божьих тварей. Чаще же всего эти самодеятельные служители сатаны мазали стены и друг друга кровью, уверенные в том, что они тем самым укрепляют власть нечистого на земле.

Кошек и собак в отделении не было, поэтому кровь для своего ритуала добыли из себя: Бамбула для этого расцарапал канцелярской скрепкой свою руку.

Зайченко был обнаружен у себя в палате на койке: голова его моталась по подушке, так же как у Бамбулы. На его груди лежал плеер «Орфей», в ушах торчали наушники-вкладыши, откуда голосом Юрия Хоя приглушенно ревел «Восставший из ада»:

Смерть поднимет чёрные крылья
Демон разорвёт твою плоть до молекул
Ад восстанет, ад поднимет
Золотой меч на тех, кто не остынет
Небеса в кровь режет молния на куски
Дьявол рогами пробивает пространство
И земля стонет громко душами падших
Кровь отразится в куполах чёрных башен
Роковой год, можете мне не верить —
Тысяча девятьсот девяносто девять
Дьявол повернёт золотыми рогами
Три девятки кверху ногами!

Арсений мысленно усмехнулся музыкальному вкусу Зайченко: «Однако ж российский сатанист поддерживает отечественного производителя».

На шее Зайченко, возле кадыка, двумя дугами багровели кровоподтеки, словно это были следы укуса какого-то зверя. Зайченко был уроженцем далекой западно-русской области, и по стародавней католической привычке у него время от времени на теле появлялись неканонические стигматы²².

Тем временем в палату примчался Мирошка, в миру (по паспорту) Сергей Мирошников – монастырский трудник²³, угодивший сюда за культивацию конопли. Мирошка был худ, вертляв и биполярён²⁴. Возраста среднего, как он сам пафосно заявлял, если речь заходила о

²² Стигматы – болезненные кровоточащие раны, появляющиеся вследствие сильных религиозных переживаний на теле некоторых христиан-католиков. Обычно раны появляются на участках тела, где предположительно были раны у Иисуса Христа, полученные им при распятии на кресте.

²³ Трудник – человек, работающий в православном монастыре или храме на добровольной и бескорыстной основе (во славу Божию).

²⁴ Биполярное аффективное расстройство (БАР) – психическое расстройство, характеризующееся периодами депрессии и периодами ненормально повышенного настроения, каждый из которых длится от нескольких дней до нескольких недель.

его набежавших годах: «Нынче мне, как Спасителю»⁷²⁵. Его религиозность имела и внешнее представление: свои густые черные волосы он зачесывал поповским манером: пробором посередине, отчего отдаленно походил на «святого черта» – Гришку Распутина⁸²⁶.

В руках у Мирошки был большой картонный крест, тремя днями раньше вырезанный им из конфетной коробки. Вырезал он древнейший символ под присмотром Миланы, поскольку в целях безопасности ножницы и другие острые предметы больным в отделении не полагались.

Мирошка подбежал к Зайченко и, потрясая крестом, малахольно заголосил: «Изыди, проклятый! Изыди!».

Арсений немного озадачился, поскольку было непонятно, кто из двух: полубессознательный Зайченко или возбужденный Мирошка – может быть более опасным для себя и других в этот момент.

Сделав выбор в пользу Зайченко, Арсений вынул из его ушей наушники, после чего кручение головой сошло на нет.

Делать нечего, пришлось тащить и койку Зайченко в коридор, а его самого – под белые ручки – выводить и вязать.

Пока происходила суета с Зайченко, подошёл Аркадий Петрович, вооружённый инструкциями своего компетентного папаша, и с видом знатока что-то торопливо сказал Анне Сергеевне. Арсений услышал только конец фразы: иностранное «*folie a deux*»⁹²⁷ и русское «помешательство вдвоем».

Анна Петровна вопросительно посмотрела на доктора и резонно заметила: «Какое же вдвоём, если их уже трое», – кивая в сторону подпрыгивающего Мирошки, без остановки, словно мантру, повторяющего: «Изыди!».

Глаза у Мирошки были прикрыты, лицо с застывшей маской экстаза вытянулось и приобрело какую-то невыразимую торжественность. Глядя на Мирошку издали, могло показаться, что это юродивый¹⁰²⁸, времён боярыни Морозовой¹¹²⁹, а не клиент психбольницы. Красно-коричневая пижама была ему велика, отчего при каждом прыжке его штаны пузырились, а полы рубахи подымались колоколом, под ними сверкал впалый живот, опоясанный лентой «Живый в помощи»¹²³⁰.

Арсения уже утомил этот безумный цирк, поэтому он отчетливо громко сказал Мирошке: – Давай, заканчивай дискотеку.

Мирошка не слышал, звуки внешнего мира доходили до него как далёкий и неясный шум. Его сознание было захвачено выходящим из потустороннего мира вихрем движения, позволяющим в былом многие часы без прорыва камлать тунгусскому шаману, плясать до полного

²⁵ В христианской традиции принято считать, что Иисусу Христу (Спасителю) на момент его распятия (казни) было около 33 лет.

²⁶ Распутин Г.Е. (1869-1916) – сибирский крестьянин, имел репутацию целителя и предсказателя. Был вхож в семью последнего российского императора Николая II, оказывал влияние на политические решения царя. Убит в ходе покушения.

²⁷ *Folie a deux* (фр.) – безумие вдвоем – устаревшее название индуцированного бредового расстройства — редкого нарушения психики, при котором бред разделяется двумя или несколькими лицами с тесными эмоциональными связями.

²⁸ Юродство (от старославянского: оуродъ, юродъ — «дурак, безумный») — намеренное старание казаться глупым, безумным. В православии юродивые — это странствующие монахи и религиозные подвижники. Целями мнимого безумия (юродства Христа ради) являются обличение внешних мирских ценностей, сокрытие собственных добродетелей и навлечение на себя унижений и оскорблений.

²⁹ Морозова Ф.П. (1632-1675) — боярыня, деятельница раннего старообрядчества, сподвижница протопопы Аввакума. Из-за своей религиозной позиции была арестована, отправлена в ссылку в Сибирь, где была заточена в земляную тюрьму (яму), в которой по приказу верховной власти уморена голодом.

³⁰ «Живый в помощи» – молитвенный пояс в виде тканой ленты с напечатанным на ней текстом молитв или псалмов. Чаще всего встречается Псалом 90, который называют по первым его словам: «Живый в помощи». Обычно читается верующими в минуты опасности, особенно смертельной.

изнеможения поклонникам Святого Витта³¹ и убиваться на танцполах современной молодёжи.

«Если пьянку невозможно остановить, то нужно её возглавить», – вроде как ни к месту, проявилась мысль у Арсения. И он стал синхронно повторять Мирошкины движения, задышал, как Мирошка сейчас: часто и глубоко, а затем непроизвольно захлопал в ладоши, стараясь своими хлопками попасть в ритм, волнами исходивший от Мирошки. Примерно пару минут или больше Арсений с хлопанием обходил по кругу кривляющегося и мычащего что-то Мирошку. Пока тот в один момент плавно, словно осенний лист на жухлую траву, не опустился своей пятой точкой на пол, где завис с раскисшей физиономией и заснул.

³¹ Пляска Святого Витта (танцевальная мания) – групповое, вероятно, психогенное расстройство, наблюдавшееся в Западной Европе между XIV и XVII веками. Характеризовалось большими группами людей (десятки, сотни и даже тысячи человек) разного пола и возраста, одновременно безудержно и беспорядочно пляшущих до полного изнеможения, а иногда и до смерти.

Глава 6

По древней легенде, мужчина создан из праха земного. Его помощница – женщина – сотворена из ребра, взятого у спящего мужчины. Женщина, отнятая часть мужчины, его продолжение, но женщина никогда с этим не согласится: она соткана из противоречий. Как сказала старушка Заратустре: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!»³², правда, не объяснила, кто этой плеткой будет пользоваться.

Любопытство влекло Милану к черной книге с неумолимой силой, как влечёт стрелку компаса к северному полюсу. Озноб и дрожь охватили её, когда она под перестук своих зубов взяла черную книгу с кушетки в сестринской и спешно укрылась с ней в процедурной. Там она с отвращением вспомнила о Нарядине и Лавирове, положила книгу на край штатно белого стола и в нерешительности застыла, пытаясь справиться с внезапно возникшим душевным волнением. Разглядывая золотые буквы названия, Милана напрягала свои познания латыни, набранные во время учебы в медучилище. Но сколько бы она ни старалась, понимание написанного не приходило. Буквы названия путались, менялись местами, сливались одни с другими в золотистые пятна, а то и вовсе пропадали, обнаруживая на их месте пустоту черного пробела. Немного помучив себя разгадкой названия книги, Милана инстинктивно затаила дыхание, открыла книгу где-то в середине и стала читать. Но как только её язык пришел в невидимое движение, неслышно проговаривая буквы-звуки, никак не складывающиеся в слова, текст на бумаге расплылся большим белым пятном. Потом это пятно стало стремительно сереть, темнеть и превратилось в вязкую, клокочущую черноту. Милане стало казаться, что кожу её лица, волосы на голове, поднявшиеся дыбом, стало засасывать внутрь этой безобразной черноты. Внезапно ей стало мало воздуха, она стала хватать его частыми глотками, отчего брюшная диафрагма рывками пошла вниз, толкнула желудок, и его содержимое стало вырываться наружу известными массажи. Милану судорожно рвало; от беспорядочного смахивающего движения руки книга улетела под застекленный шкаф, отчего тот недовольно вздрогнул тонким звоном. Когда рвотные разряды закончились, Милана нашла себя сидящей на коленях перед пятном на полу из её торопливого утреннего завтрака.

«Мерзость какая! Дура! Говорил ведь, не читай!» – натываясь друг на друга, колотились осуждающие фразы в сознании Миланы. Окончательно придя в себя, она вскочила и выбежала из процедурной, едва не сбив с ног Аркадия Петровича, со скучным лицом шагающего по коридору.

Аркадий Петрович не пользовался успехом у прекрасной половины человечества, а потому с каждым годом после окончания медуниверситета и обучения в интернатуре его шансы застрять в холостом положении на всю оставшуюся жизнь изрядно увеличивались. На краю своего сознания, на самой границе с неосознаваемым, Аркадий Петрович строил безнадежные планы в отношении Миланы. Конечно, она была слишком яркой для такого блеклого кавалера, как он. Но в силу часто неумолимого закона случайностей, являющихся на самом деле только непознанными закономерностями, Аркадий Петрович осторожно уверовал, что может произойти невероятное и возникнет долгая связь между ним и Миланой.

Сейчас нечаянный телесный налёт Миланы на Аркадия Петровича сделал свое дело и перевел его ум из состояния унылого ожидания в режим быстрой реакции.

– Что случилось?

– Беременность от святого духа, – едко пошутила Милана, прикрывая рот рукой, боясь обнаружить на лице возможные следы рвоты.

³² Ницше Ф. «Так говорил Заратустра».

Аркадий Петрович мгновенно смутился, мимолетная решительность покинула его, и он снова вернулся в привычное состояние ожидания чуда, провожая тоскливым взглядом Милану, скрывшуюся за дверью помещения с уборочным инвентарем, называемым здесь за свою незаконность, низкий потолок и общую мрачность «пытошная». Потом осторожно открыл дверь в процедурную и, обозрев беспорядок на полу вкупе с характерным кисловатым запахом, озадаченно заключил: «А ведь и вправду беременна!».

Надев перчатки, Милана налила воды в желтое ведро с надписью «Процедурная», бросила туда хлорных таблеток. Наблюдая, как таблетки скоро растворялись, мелкими шариками отдавая обеззараживающие свойства воде, она вдруг осознала свое положение, в котором находилась уже долгое время.

Ей 27 лет, все её ровесницы так или иначе имеют свои семьи, мужей, детей, более-менее определенное будущее, и только она – как лодка без вёсел, не приставшая ни к какому берегу.

«Кто вокруг меня? Арсений? Интересный... Наверное, перспективный... И еще этот... Лицо в белом халате... Аркадий, Аркаша, ага... И почему вокруг меня потенциальные женихи и близкие мужчины только на «А»? Вот и прежнего паразита звали Анатолий...».

Самоанализ прервался умеренно возбужденным голосом, слышным из коридора. Милана бросила в ведро чистую тряпку, взяла швабру и с лицом уставшей королевы, полностью готовая к борьбе с материальным хаосом, вышла в коридор.

На входе в «широкий» коридор, у раскрытой туда настежь двери, стоял Экиванов и, обращаясь с широкой улыбкой к Аркадию Петровичу, говорил покладистым голосом:

– А тама сказали, чоб позвали каво-нить из врачей.

– А тебя кто сюда запустил? Без тебя позвать некому? Больным без персонала на «узкий» заходить нельзя, – через голову Аркадия Петровича возмутилась Милана. И сурово закончила: «Дверь закрой с той стороны, без тебя разберутся!».

– Я токма сказать, а дверь открытая была, это, наверное, Анна Сергеевна забыла, – шмыгая носом, обиженным голосом пробубнил Экиванов и скрылся за бесшумно затворенной дверью.

– Милана, вы некорректно обращаетесь к больному, – из своего врачебного статуса рискнул заметить Аркадий Петрович, понимая, что лучше ему было бы этого не говорить.

– А вы бы, дорогой Аркадий Петрович, – с язвительной интонацией на слове «дорогой» раздраженно заявила Милана, – пошли бы и узнали, зачем там врач требуется. И учить меня вам не надо, как говорила моя бабушка: живем в хлеву, а кашляем по-горничному.

Аркадий Петрович принял эти слова и тон их произнесения как должное. Поскольку за более чем годовое знакомство с Миланой, а вернее сказать, за более чем годовое наблюдение за ней, он четко знал: этой девушке палец в рот не клади – откусит до самого плеча. Он сконфузился, виновато заулыбался и хотел было чего-нибудь ответить Милане для сохранения своего лица, но язык его, как бы защищая своего владельца, выдал в воздух только смущенно протяжное: «М-да...». Остальным же своим телом он поспешил открыть дверь в процедурную для Миланы, за что получил от неё обнадеживающее: «Спасибо».

Милана принадлежала к тому – основополагающему и многочисленному – слою девушек и женщин, что ставят уют и порядок в доме – в пространстве, где ты можешь быть самой собой – на первое место. Уборка для неё была делом особо важным, почти священным актом очищения окружающего её личного мира от ошибок, лишнего, грязного несовершенства, приведения его к изначальному сиянию.

Никогда прежде Милана не делала уборку с таким усердием. Перво-наперво она достала злополучную книгу, улетевшую под шкаф с лекарствами. Та была раскрыта, страницы её были черны, лишь буквы белели едва светлыми полосами. Милана мысленно перекрестилась, потом перекрестилась воочию, сунула её в черный мусорный пакет, завернула его, превратив в черный прямоугольник. И, немного подумав, положила сверток рядом с контейнером для

медицинских отходов. Затем убрала с пола биологические следы своей слабости. Вернулась в «пытошную», сменила там воду в ведре на чистую, зарядила её порцией обеззараживателя. Потом расторопным шагом, как героиня русской сказки, не расплескав по дороге ни капли воды, прошла в процедурную и тщательно вымыла там пол, забираясь в самые неудобные углы, выгоняя оттуда самых вредных чертей, как говорила её бабушка.

С минуту постояла, оценивая результат своего труда, поймала ноздрями остатки плохого запаха, встрепенулась, схватила швабру, ведро с грязной водой и пулей улетела в «пытошную». Налила там воды в тазик с уже известной меткой «Процедурная» и, как в предыдущие разы, замертвила воду хлором. Снова пронеслась с тазиком в процедурную, где с добросовестностью бывалой операционной медсестры вымыла, протерла все поверхности, куда только смогла достать своими проворными руками.

Покончив с наведением чистоты, занявшей не более четверти часа, Милана слегка утомилась и, желая на короткое время перевести дух в беззаботное состояние, присела на кушетку в процедурной. Прислонилась спиной к прохладной кафельной стене, ощущаемой через тонкие ткани своей одежды, и невольно залюбовалась краснобоким снегирем, расклёвывавшим гроздь рябины на украшенной куржаком ветви, видимой через окно с желтой решеткой.

Снегирь этот, яркий своей северной красотой, молодцеватый, четкими движениями добывавший себе пропитание среди суровой зимы, вернул Милане умиротворение духа и понимание вечного и мудрого порядка в природе, где каждая вещь и явление в своем вечном движении в конечном итоге служит всеобщему и непостижимому человеческому уму благу. В текущую минуту она была довольна собой, и всё ей вокруг казалось ладным и уютным, лицо её посветлело, стало совсем молодым, почти юным.

– И что у нас здесь за посиделки? – вопрос, возникший следом за скрипом открывшейся двери, холодным ветерком сдул благотворный транс у Миланы.

В дверях стояла старшая медсестра. В правой руке она держала стопку служебных журналов толщиной в две ладони. Взгляд у неё был тяжел: она тайно для себя – в глубине души – завидовала молодости и привлекательности Миланы. И эта неосознанная зависть бессловесным образом передавалась в пространство.

Милана не стала уходить от явно пренебрежительной формы вопроса и в ответ ткнула старшую упреком, связанным с подружкой «старшей» – процедурной медсестрой Сафоновой.

– Убирала за вашей приятельницей, Ирина Юрьевна. Здесь конь не валялся, будто не процедурная в государственной больнице, а подпольный абортарий. Пыль во всех углах.

Сафонова была процедурной медсестрой отделения и была обязана следить за порядком в процедурном кабинете. Однако пользовалась давней дружбой со «старшей» и выполняла свои обязанности спустя рукава. Отчего иногда, когда чаша терпения «старшей» к накапливающемуся день за днем бардаку в отделении переполнялась и нужно было срочно призвать свое подчиненное окружение к порядку, она устраивала своей задушевной подруге быстрый и по-женски горячий разнос. Как правило, свой начальственный гнев «старшая» выливали на Сафонову при других сослуживцах. Пользовалась она при этом множественным числом, недвусмысленно адресуя свой разнос и остальным подчиненным, у которых тоже были, как горят, свои косяки:

«Люба, ведь всё же для вас делаю! Что вы меня подставляете? Пришли на работу – работайте, вам зарплату не за кроссворды с перекурами платят! Я вам не надзиратель, у меня вон своей работы вагон, никто не сделает! Вот опять кучу журналов надо заполнить, проверка опять. Как же достала эта писанина ненужная...».

После такой словесной экзекуции Сафонова и другой персонал, попутно принявший дозу руководительского недовольства, на время принимались за работу с рвением выше среднего и быстро исправляли свои служебные недочеты.

Сейчас Сафоновой уже неделю не было на работе: она взяла отпуск, поехала на свадьбу дочери.

«Старшая» было хотела вспыхнуть при упоминании о Сафоновой, но быстро оценила мужской частью своего ума, что пикировка с Миланой сейчас ей совсем не нужна, и смягченным тоном заключила:

– Абортарий подпольный, вот ведь придумала... Слова тебе не скажи. Убрала – и хорошо.

Глава 7

На «узком» коридоре, как потом будет написано в суточном отчете, «силами врачей и смены» было окончательно ликвидировано психическое обострение. Бамбула и Зайченко, привязанные к койкам, стоявшим по разные стороны коридора, были уже уколоты Анной Сергеевной препаратами, назначенными Аркадием Петровичем. Бамбула, подняв покачивающуюся голову над подушкой, смотрел в сторону Зайченко и пытался ему что-то сказать, но силы голоса ему не хватало, и вместо внятных звуков получался неразборчивый шёпот. Зайченко находился в лекарственной дреме и призывного шёпота Бамбулы не слышал.

Мирошка что-то рассказывал Экиванову, трясая перед его лицом картонным крестом. Проходивший мимо них Курыканов, попавший на лечение, по его словам, за «воспитание жены», а говоря по-здешнему, полутюремному, за «кухонный бокс», остановился и настойчиво заявил, что он был очевидцем выноса тела ламы Итигэлова³³.

– Сидит, как будто уснул. Вообще, как живой, только не дышит.

После этих слов он глубоко вздохнул, стукнул себя ладонью по груди и загудел: «У-у-у! У-у-у! У-у-у!», – изображая звук дунгара³⁴.

Экиванов открыл рот от удивления, и со стороны могло показаться, что он наблюдает за звуком, исходящим от Курыканова.

Звук этот пролетел сквозь «широкий» коридор и через открытую форточку, обращенную на восток, выпорхнул наружу.

Там, в забайкальской дали, в один из погожих осенних дней звук дунгара вызывал Ламу Итигэлова, ушедшего в вечность по своему разумению.

– Цань, цань, цань!.. Цань, цань, цань, цань!.. Цань, цань, цань, цань, цань! – присоединился к дунгару звонкий цан³⁵.

– Бум, бум, бум, – утверждал ударами возвращение Ламы гулкий хэнгэрэг³⁶.

Звуки сложились в единый ритм, похожий на движение набирающего скорость паровоза. Сознание Ламы на миг – размером в жизнь старого буддийского монаха – вышло из вечности во временный земной мир. Ему вспомнилось путешествие в Санкт-Петербург на 300-летие дома Романовых³⁷, уходящие вдаль рельсы, запах горящего угля, шум толпы на перроне.

Лама приоткрыл глаза и увидел лицо оробевшего хуvaraкаб³⁸; тот говорил благопожелание усопшему, стараясь справиться с захватившим его чувством. Лицо Ламы посветлело, по нему пробежал всполох едва заметной улыбки. Хуварак заметил её, робость тут же ушла из него, а внутри груди стало тепло, оно медленно потекло во все стороны тела, отчего хуварак счастливо заулыбался.

Хуварак не замечал дыхания Ламы, но Лама дышал. Дыханием его сознание разделялось надвое: на вдохе он всеми доступными человеку чувствами ощущал текущий земной мир, проявлявшийся сейчас лицом хуvaraка, его счастливым изумлением в глазах, его красной одеждой; этот мир звучал ритуальной буддийской музыкой, гладил кожу прохладным ветром, наполнял душу счастьем запаха благовоний. На выдохе происходило погружение в безграничное

³³ Пандито Хамбо-лама XII Даши-Доржо Итигэлов (13.05.1852 — 15.06.1927) — бурятский религиозный деятель, глава буддистов Восточной Сибири в 1911—1917 годах. Известен тем, что с помощью особой религиозной практики добровольно ушёл из жизни (ушёл в нирвану), оставив при этом свое тело нетленным.

³⁴ Дунгар – духовой музыкальный инструмент, изготавливаемый из морской раковины.

³⁵ Цан (сан) – ударный музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.

³⁶ Хэнгэрэг – бурятский барабан.

³⁷ 300-летие дома Романовых – торжества 21.02.1913 в честь празднования 300-летия Царствования дома Романовых (российской императорской династии).

³⁸ Хуварак – буддийский монах-послушник (ученик).

пространство абсолютного покоя и полного знания. Вся земная суета и связанные с ней мысли бесследно исчезали в пустоте, превращались в бесконечно малое ощущение сознания посреди вечности. Из этого ощущения «я» в вечности все возможные формы жизни во вселенной и земная жизнь, в частности, являются во всей своей целостности, включают в себя всю возможную историю жизни, все её события, предстают одновременно во всём своём движении, многообразии и недостижимом для человеческого разума смысле.

Импровизация Курыканова не понравилась Мирошке, он вскинул крест над головой и возбужденно прокричал:

– Бог поругаем не бывает!

– Эй, синагога передвижная, хватит суету наводить, рассосались, – подал свой авторитетный голос Паша Булкин, занимавшийся с одним из своих добровольно-принудительных помощников очисткой аквариума.

Уловив в голосе Булкина явно сердитые ноты, случайная тройца в момент распалась: Мирошка скрылся в палате, Экиванов, увидевший больного с сигаретой по пути в туалет, стал канючить у того покурить. Только Курыканов остался на месте, он начал было чесать-гладить свой затылок, но потом замер с задранной вверх головой, вперив глаза в выключенную светодиодную панель на потолке, и стал похож на статую скульптора-авангардиста, изобразившего человека, поддерживающего свою голову рукой, чтобы та не скатилась с плеч долой.

Надо заметить, что религиозно-окультурная вспышка психоза практически никак не повлияла на общее настроение больных. Можно сказать, что её никто и не заметил, кроме персонала, поскольку здешний контингент по-настоящему волновали, трогали только события, касающиеся самых простых биологических потребностей, как-то: поесть, попить чая-кофе, покурить и т. п., то есть то, что со времен Древнего Рима называлось «хлебом». Кроме «хлеба» на настроение больных могли еще повлиять и «зрелища», к которым здесь относились телевизор и прослушивание аудиоплееров. К «зрелищам» также можно было отнести и мобильные телефоны, но самостоятельное пользование личными мобильными телефонами (а значит и интернетом), и само их наличие у больных было запрещено. Личные мобильники больных хранились в сейфе на «узком» коридоре, и выдавались больным для звонков под контролем персонала в определенное для этого время.

Само собой, главным «зрелищем» для подавляющего числа больных был телевизор; на его счет в ходу у персонала была шутка, которая иногда использовалась в ответ на просьбу больных посмотреть телевизор: «Хорошо, смотрите, только не включайте». Формально время просмотра больными телевизора было ограничено двумя часами вечером после ужина, в выходные и праздничные дни можно было смотреть телек еще пару часов перед обедом. Это ограничение могло нарушаться по воле персонала, когда, например, Паша Булкин смотрел телевизор по своему хотению или больные упрашивали персонал посмотреть какой-нибудь сериал в неурочное время. Разумеется, вольница с неурочным просмотром ТВ могла быстро закончиться, если больные как-либо вопиюще, с точки зрения персонала, нарушали режим отделения. Когда такое случалось, происходило то, о чем пел Высоцкий³⁹: «И тогда главврач Маргулис телевизор запретил»⁴⁰.

³⁹ Высоцкий Владимир Семенович – (25.01.1938 — 25.07.1980) — советский, русский поэт, автор-исполнитель песен (бард), актёр, прозаик, сценарист. Как автор и исполнитель своих песен был сверхпопулярен в СССР.

⁴⁰ «Письмо в редакцию телевизионной передачи „Очевидное — невероятное“ из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи» — юмористическая авторская песня Высоцкого В.С.

Глава 8

Странными были свойства души Паши Булкина: несмотря на свою уголовную натуру с главной в ней привычкой — ради своей выгоды любыми способами попирать до крайних пределов чужого ему человека, — в нём присутствовало любопытство бескорыстного познания, выраженное увлечённостью игрой в шахматы и деятельным интересом к аквариумистике.

«Кушают, никого не слушают», — думал Паша, наблюдая хозяйственным взглядом за жизнью аквариума, где три красные креветки подъедали остатки рыбьей пищи и словно вытанцовывали, перебирая членистыми ножками по дну кормушки. От ворошащего под корягой грунт крупного сомика поднималось облако мутной взвеси; два других его собрата, помельче, рывками передвигались по песчаному дну, собирая съедобный донный мусор. Юркие гуппи то замирали, то стремительно мчались мимо вальяжных барбусов, неторопливо плавающих возле колыхающихся водорослей. Картина эта для Паши была такой умиротворяющей и увлекательной, что он, будь у него такая возможность, мог бы часами смотреть на этот фрагмент водяного мира, как смотрит среднестатистический зритель массовые телесериалы.

Паша и его сегодняшней помощник Витя Позёмов по прозвищу Зёма, заехавший на принудительное лечение за поджог дома лесника, только что закончили частичную смену воды в 100-литровом аквариуме.

— Сомики и улитки тоже чистят, но креветки лучше: всё лопают, — вслух рассудил Паша.

Затем вынул из нагрудного кармана атласной полосатой пижамы цвета морской волны непечатую пачку сигарет и, протянув её Зёме, сказал:

– На, покуришь, только не раздавай, сам кури. Дураком не будь. Собрались уже чайки, – с хитрым прищуром указывая кивком головы на нескольких больных, заинтересованно глядящих в их сторону.

Зёма, пребывавший всё время в тоскливой задумчивости, получив сигареты, мгновенно преобразился: глаза его сверкнули весёлыми искрами, с лица исчезла маска меланхолии, а грудь выкатилась колесом, готовым к ходу. Он схватил два пластиковых ведра, стоящих на полу, сделал шаг и тут же едва не упал: сношенная до гладкости подошва его шлёпанца заскользила по пролитой на полу воде.

– И чё ты заметался, как грач по полю? Под ноги смотри! – недовольно буркнул Паша и распорядился:

– Давай воду вытри, а то сейчас какой-нибудь болезный точно здесь навернётся.

Зёма вначале поставил ведра на пол и было метнулся за тряпкой в конец коридора, потом с полпути, так же торопясь, вернулся за ведрами и опять едва не упал, поскользнувшись у вёдер. Паша, наблюдая эти суетливые маневры Зёмы, пошевелил кадыком, будто сдерживая желание плюнуть с досады, и с укоризной заметил:

– Ну всё: понесли ботинки Митю, не суетись ты, голова-ранетка. Успеешь, накуришься.

Потом, прихрамывая, пошёл к телевизору, устроился там для просмотра на стоявшей у противоположной стены медицинской кушетке, которая, наверное, помнила зады психбольных времен генсека Брежнева⁴¹. Нажал кнопку на пульте, и экран через томительную паузу вспыхнул голубоватым светом.

На экране откуда-то сверху было видно грязно-серое не то поле, не то степь. По плохо различимой в разреженном тумане дальней линии желтого перелеска определялась осень. Накра-

⁴¹ Брежнев Леонид Ильич (6.12.1906 — 10.11.1982) — руководитель СССР с 1964 по 1982 год. Занимал высшую партийную должность в СССР: Генеральный секретарь (генсек) Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС).

пывающий редкий холодный дождик добавлял грязи во все стороны пространства, усеянного воронками разной глубины от мин, бомб, снарядов и других смертельных изделий, отчего пейзаж отдаленно походил на лунный. То там, то здесь были видны горелые остовы военной и гражданской техники; путы и клочья беспорядочной паутины оптоволоконка, разнообразный армейский и гражданский хлам. Акцентом среди этой адской мешанины были колеблемые ветром белеющие клочки и листы бумаги. Ветер мешал апокалиптическую вонь горелого мяса, паленых волос, сладковатую мерзость лежалой мертвечины, исходящую от трупов военных и оторванных от них частей. Кое-где встречались туловища погибших собак, местами просвечивали белыми пятнами туши убитых войной свиней. Невесть откуда взявшуюся здесь – уже раздутую – гнедую лошадь, с изуродованной взрывом мордой и обгоревшей гривой, жрала подходящая под цвет места стая горластых ворон. Казалось, на всем этом мертвом пространстве не было ни одной живой души, кроме прожорливых пернатых падальщиц. Однако в зигзаге полузасыпанной траншеи под куском черной полиэтиленовой пленки лежал солдат, не желающий раньше времени отдать богу свою душу.

Солдат, преодолевая боль, разлитую по всему телу, и особо тяжелую в голове, будто увеличившейся в три раза и гудевшую, словно плач с ротой в кирзовых сапогах, идущей строевым шагом, обдумывал свое немирное текущее житье-бытье.

«Походу, все в минус. Рации нету». Он пошевелил ступнями, отметил сохранность ног и только сильно ноющее правое колено. «Идти вроде смогу... Или ползти». И с горечью признал: «Далеко не уползешь: дроны, сука».

Пошевелил левой рукой, сжал-разжал пальцы, убедился в её целостности. Сжал правой рукой ствол автомата, почувствовал в перчатке кровяную липкость; осмотрел правую, со вздохом заключил: «Пальцы посекло». Потом машинально определил для себя главную цель: «Километра три до «нуля», надо откатываться».

Солдат учащенно заморгал, пытаясь промыть слезной влагой глаза, хватившие от взрыва земли. Пить, отчаянно хотелось пить, несмотря на окружающую мокроту и холод. С края траншеи свешивалась бахрома разорванного пластикового мешка. С неё то капала, то сочилась тонкой струйкой вода. С трудом разжав запекшиеся от крови губы, он подставил рот под струю. Минут десять с перерывами пил, стало легче, вспомнил, как в детстве по весне ходил с ребятами в лес за березовым соком.

При всяком движении боль в голове усиливалась. «С такой башкой – не ходок», – пришло тяжкое осознание. Потом вспомнил с облегчением: «Обезбол же был..., обезбол...». Стянул с левой руки перчатку, нашарил в подсумке шприц-тюбик с анальгетиком и с грехом пополам укололся в левое же бедро. От движений правая рука заметно закровила, чертыхаясь, пришлось её кое-как забинтовать.

Потом ни к селу ни к городу солдату вспомнилось, как он со своими сослуживцами Дрёмой и Чиной умеренно пьянствовал в прифронтовом кабаке. Были с ними две или три молодые бабы, которых Чина во что бы то ни стало хотел напоить, но те ни в какую не хотели напиваться и почти хором заявляли на его попытки: «Пацаны, нам и так зашибись». Чина же, жизнелюб из разряда людей, кто «всегда на позитиве», уже хорошо набравшийся, улыбаясь во все свои тогда целые и здоровые зубы, уговаривал их: «Девчонки, а шо сказал князь Владимир, Креститель Руси? А он сказал: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти». И добавлял уже от себя, а не от князя: «Не для дури пьем, а для веселия ума и радости сердца».

Лирическое воспоминание прервалось жужжанием дрона, тот явно или оценивал обстановку, или уже прицеливался.

«Всё, капец», – с безнадежным отчаянием вспыхнул в сознании скоротечный ужас. Солдат инстинктивно замер, почти перестал дышать, силясь максимально слиться с почвой, углубиться в неё. Тут же откуда-то из тайных недр мозга вроде бы знакомый детский голос зашептал ему нараспев: «Мать сыра Земля, Пресвятая Богородица, помоги, отведи беду. Помоги...».

Дрон пожужжал с минуту, размером в вечность, а потом, взвизгнув, улетел.

Сразу стало как-то тихо-тихо, хоть и слышно было падающий дождь, шум ветра, доносивший крики воронья, но все эти звуки были только фоном внутри совершенной тишины.

Опять на мысленном экране возник жизнерадостный Чина. «Нет больше Чины, убили Чину», – угрюмо отметило сознание этот факт.

Уцелевшие на запястье правой руки часы показывали 17:13. Дождь заметно усилился, вороний гвалт заглох, небо без просветов нависало свинцовым прессом туч, день явно собирался к погружению во тьму.

Солдат отсоединил от автомата начатый магазин, целым мизинцем забинтованной кисти клацнул затворной рамой, та с механическим равнодушием выбросила целый патрон. Немедля пристегнул магазин полный, опять клацнул рамой, загнав патрон в патронник. Сброшенный патрон вставил в неполный магазин, на ходу — по весу — определил в нем остаток патронов примерно в половину и убрал магазин в подсумок.

Во время проверки оружия стало понятно, что правой рукой держать автомат и нажимать на спусковой крючок практически невозможно. Попробовал держать автомат слева; так и сяк принаравливался найти необходимую сцепку забинтованной кисти с цевьем или магазином, но быстро понял: прицельно стрелять в воздух, откуда сейчас идет главная опасность, вряд ли получится. Единственным оставалось: накинуть автоматный ремень петлей на правое запястье и вести огонь наудачу. Подумал: «Шансов мало», — и тут же, успокаивая себя, добавил: «Но они есть!».

Вздыхнув от такой малорадушной перспективы, солдат вынул из подсумка, как он для себя называл, «смертную» гранату со спиленным спусковым рычагом и положил её в карман штанов для удобства скорого доступа. Рычаг был загодя спилен солдатом для избавления от мучительных колебаний, если момент «быть или не быть» все ж таки настанет.

С опорой на автомат солдат поднялся и тут же едва не упал от неожиданной слабости, мир перед глазами будто закачался и на четверть секунды потерял свои очертания. Через мгновение кровавое давление в организме выровнялось, слабость исчезла, появилась отчаянная решимость выжить. Идти нужно было к перелеску, на восток.

Медленно, по чавкающей грязи, солдат вскарабкался на поверхность по съехавшему ко дну краю траншеи. Потом недолго соображал, какой ориентир выбрать. Метрах в трехстах впереди темно-рыжим пятном торчал остов, как позже стало понятно, сгоревшего грузовика. Прихрамывая, пошёл в его сторону. Путь не был прямым из-за воронок от разрывов: приходилось петлять, обходить ямы то справа, то слева. Сначала солдат также обходил трупы и их измочаленные части, раскиданные по всему пространству, но вскоре на ботинки налипла жирная грязь, и тратить силы на почтение к останкам людей уже не было никакой возможности. Поэтому через пару сотен шагов он уже без всякого сопротивления в себе шел к ориентиру, то переступая, а где и наступая на то, что было когда-то живыми людьми.

Вдруг что-то вязко упало прямо перед солдатом; сначала он почувствовал вибрацию под ногами, а затем увидел примерно в метре от себя воткнутую наполовину в землю небольшую мину, блестящую мертвым глянцем. Грязь вокруг её контура медленно парила белесым паром, по её бледно-зеленому корпусу стали расползаться кривыми змейками трещины расширяющихся разломов, из них шел дым и огонь, перемешанный с искрами. Затем разломы с поразительным замедлением превратились в осколки и также медленно полетели во все стороны. Весь этот замедленный миг солдат, как замороженный, смотрел на мину, потом спохватился и побежал вправо, но, не сделав и трех шагов, запнулся обо что-то и со всего маху упал в полуметровую канаву, по виду похожую на колею от тяжелой техники. В момент падения реальность вернулась в свои обычные рамки: взрыв ударил по воздуху привычным грохотом и невесть откуда взявшимся звуком разбитого стекла.